

Ст. Куняев: Исполняется 30 лет Детскому фонду — сначала Советскому, потом Российскому. Придуман и создан тобой, ты им и руководишь непрерывно все эти годы. Факт беспрецедентный. Он свидетельствует о том, что ты верен своему делу. Но за эти 30 лет положение детей крайне осложнилось. Если в начале 90-х дети страдали от беспризорности, бедности, разрухи, то сейчас средства массовой информации захлебываются, рассказывая, что случается с детьми в результате информационных интернет-атак — эпидемии самоубийств, разращения несовершеннолетних, бессовестного выкалывания в сетях жестокости, которой ещё не было в 90-х годах. Что это? Историческая закономерность или война против детей России?

А. Лиханов: Дорогой Станислав, нашу “старую” страну, великий Советский Союз бесчисленные “доброжелатели” называли закрытой системой. Теперь Союз расколот, безжалостно и бессмысленно, все двери и форточки распахнуты, и нас продувает, не первое десятилетие уже, настоящий сквозняк. Половина народа, если не больше, больна, простыв от этих бессмысленных ветров. И больны мы головой. Кто-то внедрил в нашу Конституцию, что всякая идеология, — а это значит, убеждения, — под запретом. И под это понятие, похоже, попали такие инструменты человеческого самосознания, как, к примеру, верность Отечеству. Тот, кто достаточен, учит детей за речкой, да что там — высокие чины рожают детей в США, чтобы они автоматически стали гражданами наших оппонентов. Дозволено, потому как идеологии нет, и совесть как основание идеологии отсутствует.

Ну, например, мы когда-то избегали самой мысли о переводе денег за границу. Это был криминал. А может, это подходящий термин к свободной торговле национальным достоянием кучкой каких-то смутных лиц, которым доверена торговля народными ценностями? Да ещё с условием, что они отчисляют в казну лишь малую часть доходов, принадлежащую стране? Свобода? Ею пользуются корпорации, частные компании, но где тут совесть, к примеру, и где тут интересы большинства, разьясните! И почему нам не в пример норвежская практика торговли сырьем, которой управляет лично тамошний король, а все доходы принадлежат государству, но не торгашам? Государство лишь платит им за их услуги, и — достаточно.

Вот эти мощные сквозняки и лишают нас нравственных основ. Деньги превыше всего? Тогда вот вам 44 миллиона бедняков, живущих ниже всякого уровня. Прибавьте к этому 40 миллионов пенсионеров. И где тут место детям — их 26 миллионам?

Социальное расслоение детства явилось вместе с возвращением оголтелого капитализма в Россию. Трудно представить, какие отношения между людьми сформируются у нас ещё через десяток лет, ведь в силу войдут люди, рождённые после 1991 года.

Как это часто бывало на Руси и прежде, мы не гляделись в практику стран расчётливых, озабоченных будущим народа. Специалисты утверждают: достаточно было торгашей ресурсами превратить в наёмных работников, не отдавая им в собственность ни нефть, ни газ, ни титан, ни электроэнергию, и экономические возможности страны возросли бы в десятки раз. Нам все уши прожужжали про иностранные инвестиции – эка благодать, мол! А ведь это просто распродажа уже и не только сырья, но и земель под будущими объектами. Вернуть их можно будет только путём выкупа. Но откуда у России столько валюты и золота?

Всё остальное, по-моему, прилагательное. Посмотри, кто поёт, пляшет и славословит на экране? Узкий круг весельчаков и говорунов, чьё мнение ведомо заранее. Где же встревоженное большинство? Где обеспокоенные граждане – и обеспокоенные не мусоркой во дворе, а заинтересованные в будущем государства? Боюсь, придется признать: таких всё меньше.

Это мои радикальные беспокойства. И за ними кроется ответ на всё остальное: недетские детские страсти – результат антирусских сквозняков.

И 100 тысяч насилий над детьми каждый год, при этом по 1000 убитых несовершеннолетних. И массовая малограмотность детского мира – по вине учителя, родительства и вселенного “гаджества”. Но, главное, разобщённость детей, их нарастающая несостоятельность друг к другу, недоверие к взрослым, отсутствие общих социальных, духовных, да и политических целей – они ведь не чужды и детскому миру.

При этом, как я понимаю, серьёзные государственные силы знают это, оценивают кризисную ситуацию и зависимость детства от этих настроений, но в единую политику всё это не объединяется.

Очень надеюсь на “Десятилетие детства”, объявленное президентом. Может быть, перемены пойдут снизу вверх? От совершенствования мира детства к совершенствованию мира взрослых и государственного устройства?

Ст. К.: Ты 30 лет назад встряхнул, даже пробудил и общество, и государство – добившись своими письмами двух постановлений ЦК и Совета Министров СССР. И хотя речь в тех решениях шла о помощи детям-сиротам, появление Советского детского фонда повернуло людей ко всем детским проблемам – и к инвалидности, и к смертности младенцев, и сферам медицины, обращённым к детству, и к культуре для детей. Какова сейчас картина детского мира?

А. Л.: Когда возник Детский фонд, в СССР насчитывался 1 миллион 200 тысяч детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. Они жили в детских домах и школах-интернатах для сирот. Как и во всяком большом деле, среди этих заведений были образцовые, как у Католикова в Сыктывкаре, в “Ясной Поляне” у Соколовой, Ташкентском детдоме Хлебущиной. И была масса “средних” детдомов. Но детей учили, лечили, кормили, выпускали в ПТУ, техникумы и вузы. Дело это, затеянное Феликсом Дзержинским, стояло прочно, детей, как говорится, “за уши” вытаскивали к миру света и смысла. Это сопровождалось законами, дающими право на крышу над головой (хотя бы в общежитии), на бесплатное ученье, на обычное мироустройство. Система эта заслуживает того, чтобы с точки зрения исторической признать её серьёзным достижением тогдашнего государства. Но постепенно беспризорничество, для которого старался Дзержинский, ушло, а на смену ему явилась “брошенность” – явление не менее печальное, чем гибель родителей, ибо родители не только исчезали из жизни, но ещё детей и бросали. По разным причинам. И государство продолжало исполнять свой долг – дети были “казёнными”, требовались расходы на них.

Впрочем, понятие “расходы” тогда было на задах большого дела. Впереди шла озабоченность судьбами, образованием, профессией, а детдома поднимали сотни тысяч ребят на крыло, выпускали в жизнь.

Однако 1,2 миллиона слишком подавляло. К тому же этим ребятам явно не хватало семейной заботы. Детский фонд проработал, внес в союзное правительство и добился создания семейных детских домов (СДД). Это означало: семья, вырастившая собственных детей, берёт не менее 5 ребят из сиротских заведений. Бюджет государственного заведения передает средства на все расходы по бытованию детей семье, а мать становится родителем-воспитателем и получает зарплату вместе с общепринятым социальным пакетом (стаж, отпускные, больничный, и т. д.). Таким образом, женщина

в такой семье становится работницей, государственной служащей, хотя и не самого высокого звена.

В СССР было создано поначалу 574 таких СДД, из них в России – 368. Удивительное дело, с приходом демократии, этот вполне демократический проект был закрыт. В 1996 году решением Российского правительства СДД на территории России были ликвидированы, точнее, преобразованы в приёмные семьи.

Вроде бы и похоже, но совсем не то. Основная перемена: мать-воспитательница лишена статуса государственной служащей, и, хотя ей платят деньги за работу в виде “вознаграждения”, но оно не идёт к зачёту в пенсионном расчете, нет у неё ни оплаченного больничного, ни отпускных, ни стажа. Так себе – любительство, бесплатное благодаяние! Как же это не “рифмуется” со всем-то остальным, где каждый чих – за деньги! При этом, как нетрудно догадаться, на семье уйма других обязательств – не только учење, лечение, питание.

Но вот что и любопытно, и показательно. СДД юридически ликвидированы на территории России, а в Беларуси семейных детских домов стало 270, на Украине (накануне майдана) и вовсе 700. По той самой, нами отработанной социально-государственной схеме. И там тема прямого, “детдомовского” сиротства фактически себя исчерпала.

Однако хочу при этом ещё и ещё раз заявить со всей определённостью: не следует закрывать в регионах *государственные* детские дома! Они должны сохраняться и поддерживаться. Во-первых, приёмные семьи в России требуют переосмысления и анализа их деятельности. Нет, к примеру, отдалённых результатов их работы. Во-вторых, не всякий ребенок и не в любом возрасте способен адаптироваться в семье, тем более если это третья, четвёртая, пятая по счёту приёмная семья. И, наконец, как существуют в стране мобилизационные планы на случай бедствий, так должны они существовать и в этой весьма острой и деликатной сфере. Всякая эвакуация – по любому случаю – обязана быть просчитанной и отработанной и для детей без родителей.

Это длинное – не отступление, а описание “картины мира” в трудоёмком секторе детства – потребовалось мне, чтобы сказать: сокращение госучреждений для детей, начиная с детдомов, должно быть сдерживаемо сверху. Но оно дороже простой раздачи сирот в семьи. В этом-то всё и дело! Дети в детдомах “стоят” дороже. Хозяева региональных, муниципальных бюджетов, отыскивая всевозможные способы для экономии, доходят до полной ликвидации детдомов, уподобляясь американцам.

И сиротство, увы, явление не муниципальное, не региональное, и не американское. А национальное, российское! Так же, как и образованность, грамотность детей! Так же, как и близость к детям больниц и поликлиник!

Мало детей для детского дома, надо экономить, раздавая их по семьям? Но на детях нельзя экономить! Экономьте на всём, кроме детей, особенно из бедных, несостоятельных, малообразованных семей, попавших в детский дом, – из них может явиться если не гений, то серьёзный работник не для частной лавки, а для государства.

Ст. К.: Я вспоминаю свое детство 30–40-х гг., и, несмотря на тяжёлые условия, в которых мы жили, вижу, что детские преступления были редки в нашей военной и послевоенной жизни. А сейчас дети-подростки с травматическим, а порой и настоящим оружием начали расстреливать одноклассников, родных. Что это, влияние американской цивилизации на наши души?

А. Л.: Обрати внимание, а разве все эти истории – русские сюжеты? Нет, их принес всё тот же сквозняк. При этом я почитаю американскую культуру, ведь под её именем подразумеваю высокие достижения. Истинные мастера той же литературы – Драйзер, Стейнбек, Хемингуэй, Фитцджеральд – этот список громаден – в одной упряжке с русской классикой, и они бы никогда не пали до уровня бессчётного мусора массовой культуры. Ведь это именно она рождает убийц без причины, злодеев без разбора.

Дело, видимо, в том, что если прежде стать знаменитым было возможно, лишь совершив благое дело, то теперь распространению и тиражированию подлежит любая гнусность. Тормозов нет ни у взрослых, ни у детей. И сколько же у этой “свободы” возможностей принимать собственное решение, не сообразуясь ни с кем и ни с чем? Вот нас преследует новая статистика: каждый год кончают самоубийством 500–700 детей. Есть в этом какая-то отчаянная

безысходности. Кто-то из ребятшек мстит близким своим уходом, кто-то бегит от неведомого бедствия, но все они – жертвы, это факт. Детские самоубийства, на мой взгляд, это обратная сторона публичных убийств малолетними людьми. Людьми ли? Кто ответит на этот вопрос? И что думает на этот счёт наше общество? Разборки таких историй по телеканалам, к сожалению, тиражируют их, и к такому “геройству”, боюсь, уже складывается некая очередь жаждущих “популярности” любыми средствами.

Ст. К.: Скажи, пожалуйста, о каких достижениях, переменах, глядя в будущее, ты сегодня мечтаешь?

А. Л.: Не сомневаюсь, что сейчас в правительстве идёт проработка “Десятилетия детства”, заявленного президентом. Бывало, раньше, при проектировании каких-то пятилеток-семилеток, шло публичное обсуждение проектов в газетах. Может, стоило бы послушать нацию и теперь?

Вот, к примеру, сейчас появились дети – жертвы террористических акций. Они не очень заметны, но они есть, как есть 72 – давно выросших – ребёнка из нашей программы “Фронтовые дети Чечни”, председателем которой стал в своё время Иосиф Кобзон. Это дети, получившие огнестрельные ранения, ставшие инвалидами. Так вот, пока эти люди – инвалиды в детском возрасте, им присваиваются пенсионный статус “инвалид детства”. Разве можно это принять?

Из давней уже и уходящей истории: Детский фонд создал в 1988 году Союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей. Добился тогда признания государства и небольших социальных льгот. Но до сих пор не может добиться установления им звания “участник войны”. Эти дети не воевали, они жертвы, но разве жертвы войны – не её участники, и разве нельзя признать этих людей участниками войны? Ведь стыдно же!

Кажется, в Бурятии местные власти построили две малокомплектные сельские школы – для вымирающих деревень. Смысл: квартира для учителя с семьёй и соединённый с ней большой класс, где могут учиться дети разных классов (по 5-й). Может, этот проект ключевой для сельской России? Города разбухают, деревни умирают. Уезжая учиться в селения покрупнее, сельские дети оказываются полусиротами при живых родителях – живут-то они там в интернатах.

Вообще, крепить надо семью, всякими способами.

Известна установка, идущая из-за речки: в России цены на нефть и газ должны сравниться с западными тарифами. А может, стоит ответить симметрично, как нынче говорят: снизить цены на газ, бензин и электричество во всей стране! А то ведь у нас бензин, говорят, дороже, чем в Америке! Как возликует народ! И как проголосует! Ведь он ждёт именно такого отношения власти к нему.

Люди не только России, но всего бывшего Союза, особенно старшие поколения, испытали на себе небывалые позитивные обстоятельства: ограниченный рабочий день, низкие цены на еду, бензин, газ, воду, электричество, квартплату, детсады, спорт, помнят про бесплатное образование, которое признано лучшим в мире. Возвращения всего этого и ждёт народ. Правда, может не дожидаться. Что тогда останется у власти?

В области образования, по моему разумению, надо срочно возвращать ПТУ и техникумы, возможно в “агломерациях” крупных отраслей и заводов. Президент не напрасно лелеет “Сириус” в Сочи, такие “Сириусы” нужно создать во всех областных центрах как продолжение Станций юных техников и натуралистов и Дворцов пионеров.

Массово “оптимизируемые” детские библиотеки – стыд и срам нашей культуры. На кое-какой фильм или театральную постановку дают сотни миллионов рублей, на книги и детские библиотеки – а это продолжение школы – гроши. Да и их-то закрывают и сливают.

Меня поражает, что тихо исчезли из жизни страны детско-юношеские спортивные школы. Сам я занимался в такой, сразу в двух секциях, и думать о дури не оставалось времени целому послевоенному поколению. Может, оттого, в том, нашем поколении, больше всего людей с высшим образованием и, прежде всего, инженеров! Разве не исторический пример?

Ст. К.: Я хорошо знаю твоё творчество, начиная с советских времен. Ты искренний, талантливый заступник многих поколений советских и российских детей. Горжусь, что последние 25 лет всё, что ты написал о детях, было

напечатано в “Нашем современнике”. Есть ли у тебя новые произведения в планах, в раздумьях, которые мы всегда будем рады напечатать в нашем журнале.

А. Л.: Спасибо, Станислав Юрьевич, что “Наш современник” стал моим родным домом. А думы мои конструируются просто: вот гляжу на окружающее меня, бьюсь за Фонд, за его программы и думаю о прошлом, полагаю, во многом похожем у нас с тобой.

Как было тогда? Почему такую роль играла, к примеру, совесть? Даже в детском мире? Почему сегодня не стыдно делать и говорить такое, что было позором во веки веков? Наверное, это муки без ответа. Но говорить обо всём этом писатель должен.

Ну, вот я написал новую повесть, опять про войну, точнее, военное детство, называется она “Мамочкин сынок” и посвящена моей маме, которая работала медицинским лаборантом в госпитальной лаборатории. Как она просто-напросто спасала своего “сынка”, то есть меня. Хотел написать литературный рекевием своей маме, да, наверное, и всем матерям военной поры. Что получилось – судить читателю. Главное, что хотел сказать: совесть создается сызмала, и она не бывает маленькой по причине малолетства.

Ст. К.: На наших ТВ-экранах в последние годы обильно показывают разборки родителей за своих детей (генетические экспертизы и т. д. и т. п.). Чаще всего такими войнами заняты небедные семьи российской элиты. Правда, эта “лихорадка” в последнее время охватила и простонародье. Как ты относишься к этому (борьба за наследство, доводящее до болезней, драк). Дети, особенно нашей “элиты” – “публичные дети”, становятся заложниками корысти, болтовни и жажды известности.

Годами идут разговоры о семействе Жанны Фриске, появляются новые дети Немцова, дети Джигурды и Анисиной. На экране сплошной “Джигурда”. Кому интересно, как и каким образом зачинались дети Пугачевой и Галкина? Пошлость и бесстыдство и все, что выражено в пословице: “Ради красного словца не пожалеет ни мать, ни отца”. Особенно злоупотребляют своими возможностями в такого рода передачах популярные ведущие, они работают по принципу американских средств массовой информации, с которой я знаком: будучи в Америке в газете “Нью-Йорк таймс”, один из редакторов, не стеснясь, сказал мне: “Хорошие новости не интересны”. Что делать, дорогой Альберт Анатольевич?

А. Л.: Я не могу до конца осмыслить разнонаправленность происходящих процессов. С одной стороны, мы заставляем мир уважать нас, скажем, на сирийском примере. Как мы видим – блестяще организованные действия. Но внутри собственного дома – много мусора, погони, дряни. Но ведь это не общество! Названные тобой персоны с их бесчисленными приключениями преподносятся нам вроде для забавы, а оказываются образцом для подражания. Чёрное стало белым, белое чёрным. Позитив на этом фоне – редкий, бессистемный, не увлекающий. И образцов у нас достаёт, но о них – молчок. Но ведь добро и справедливость обладают свойством им подражать!

Вроде должны радовать отстранения и посадки губернаторов. Но какая статистика высчитывает, какое это производит впечатление на молодых? Механизм, во всяком случае, ясен: если ИМ можно, почему МНЕ нельзя? Так переворачиваются ценности жизни в сопровождении телевизионных, а значит, самых массовых свидетельств распада. Вся надежда – народ в России всё ещё остаётся собой, хотя многое способствует его деградации.

Что делать, дорогой, Станислав? Извечный русский вопрос. Народ наш изуверился, это правда, но будет молчать, пока не голодает. И это давно испытанный способ слома самых разумных общественных систем. Право собственности, от которого мы отрекались с трудом, легко поглотило наши достижения, превратив их из народных и общих в чьё-то чужое. При всеобщем смирении. Надежда на новых людей. Впрочем, ничего лучше равенства граждан ещё не придумано. А я хлопочу о равенстве детей. С этого всё начинается.